

Ассимиляционная политика Китая в уйгурском регионе Синьцзян

China's Assimilation Policy in the Uyghur Region of Xinjiang

Джеймс А. Милворд / James A. Millward

Walsh School of Foreign Service,
Georgetown University, Washington, D.C., United States
ICC - Edward B. Bunn S. J. Intercultural Center 610

Email: millwarj@georgetown.edu

Джеймс А. Милворд 米華健 - профессор междисциплинарной истории Джорджтаунского университета (Walsh School of Foreign Service, Georgetown University), где он преподает историю Китая, Центральной Азии и мира. Он также преподает на программе "Máster Oficial en Estudios de Asia Oriental" в Университете Гранады, Испания. Его специализация - империя Цин, Шелковый путь, исторический и современный Синьцзян. Он следит и комментирует текущие вопросы, касающиеся Синьцзяна, уйгуров и других коренных народов Синьцзяна, а также этнической политики КНР. Милворд работал в комитетах Совета по Китаю и Внутренней Азии и Общества изучения Центральной Евразии, а в 2010 году был его президентом.

DOI: <https://dx.doi.org/10.7160/KS.2022.180102ru>

Abstract

The Chinese Communist Party (CCP) policies in Xinjiang since 2017 have imprisoned some 300,000 and interned approximately a million more indigenous non-Han central Asians in educational transformation camps; razed or damaged thousands of mosques, shrines, and old neighborhoods; actively suppressed indigenous birth rates far below Han levels; illegalized core elements of Uyghur and Islamic culture; and pushed tens of thousands of non-Han adults into forced factory labor and children into state institutions. The revelation of these policies has contributed to the worst crisis for foreign policy in the People's Republic of China (PRC) since 1989. Moreover, because the CCP requires declarations of loyal support from citizens and officials for its Xinjiang policies, this also comprises a Cultural Revolution-type domestic crisis in which no one can say no to a dictatorial leader despite the clearly destructive nature of that leader's policies.

Ключевые слова

ассимиляционная политика Китая, Коммунистическая партия Китая, уйгуры, Синьцзян

Введение

В результате политики Коммунистической партии Китая (КПК) с 2017 года в Синьцзяне около 300 000 человек были заключены в тюрьму. Китай интернировал

еще около миллиона коренных неханьцев в Центральной Азии в переходные образовательные лагеря; разрушил или повредил тысячи мечетей, святынь и старых кварталов; активно подавлял рождаемость коренного населения, которая была намного ниже уровня ханьцев; запретил основные элементы уйгурской и исламской культуры; и бросил десятки тысяч взрослых неханьцев на принудительные работы на фабриках, а детей – в государственные учреждения. Разоблачение этой политики способствовало худшему внешнеполитическому кризису в Китайской Народной Республике (КНР) с 1989 года. Более того, поскольку КПК требует от граждан и чиновников заявить о своей лояльной поддержке ее политики в Синьцзяне, эта ситуация также подразумевает внутренний кризис типа Культурной революции, когда никто не может сказать "нет" диктаторскому лидеру, даже если его политика явно разрушительна. Зверства в Синьцзяне дополнили список крупных бедствий, которые КПК навлекла на себя, наряду с Великим скачком вперед, Культурной революцией и массовым убийством демонстрантов на площади Тяньаньмэнь и в других местах в 1989 году. Однако одно отличие заключается в том, что нынешняя политика направлена в первую очередь против этнических групп, отличных от ханьцев, что вызывает сравнение с колониалистскими и геноцидными событиями в других странах мира.

Зверства в Синьцзяне

Нетерпимость КНР к этническому разнообразию уйгуров и других неханьских групп в Синьцзяне продолжается уже несколько десятилетий, но в 2017 году власти значительно увеличили масштабы репрессий, используя новые пугающие технологии для усиления государственного террора.¹ Сначала отрицая существование лагерей для интернированных, КНР начала пропагандистскую кампанию, попеременно описывая карцеральный режим то как борьбу с терроризмом, то как меру по борьбе с бедностью. Однако неизбирательная и чрезмерная реакция явно несоразмерна четырем относительно небольшим независимым инцидентам 2013-14 годов, которые стали первым однозначным терроризмом с участием уйгуров с 1997 года и в отношении которых нет никаких доказательств участия каких-либо организаций, внутренних или

¹ Лучший анализ режима технологического наблюдения в Синьцзяне и его связи с лагерями для интернированных, а также с "капитализмом наблюдения" во всем мире, это Dargen Byler, *In the Camps: China's High-tech Penal Colony*, Columbia Global Reports (New York: Columbia University Press, 2021).

международных.² Хотя в последние годы в Синьцзяне наблюдались и другие случаи насилия, особенно столкновения населения с полицией и другими государственными агентами, КНР не смогла убедительно показать, чем такие беспорядки отличаются от подобных массовых инцидентов, которые ежегодно происходят десятками тысяч в других районах Китая, но никогда не обозначаются как "терроризм" и за которые ханьцы не несут коллективного наказания.

Репрессивные меры против коренных неханьцев в Синьцзяне включают следующее:³

- Интенсивное физическое и цифровое наблюдение и сбор биометрических данных.
- Использование алгоритмов искусственного интеллекта для предсказания так называемого экстремизма и подвергание более миллиона уйгуров, казахов и других неханьских народов Синьцзяна незаконному заключению в сети похожих на тюрьму "концентрированных образовательных трансформационных центров" якобы для излечения их от "вируса мышления". Другие люди, помеченные этой системой, были заключены под стражу в своих домах или обязаны посещать программы индоктринации без заключения под стражу.
- Преследование и тюремное заключение еще нескольких сотен тысяч человек через правовую систему. В Синьцзяне, где проживает 1,5% населения страны, в 2017 году было возбуждено 21% всех уголовных дел в КНР.
- Обычные религиозные и этнические обычаи, поездки за границу, проживание родственников за рубежом, общение с людьми за границей и другое нормальное поведение определялось как "экстремистское" и использовалось для оправдания

² С начала 2000-х годов активно обсуждалась предполагаемая угроза со стороны организованных и международных уйгурских террористических групп. Большая часть этой ранней литературы некритично использовала данные из китайских источников и в целом была омрачена исламофобией и рамками "глобальной войны с террором" США. Наиболее достоверным исследованием и переоценкой уйгурского насильственного сопротивления и дискурса вокруг него является Sean Roberts, *The War on the Uyghurs: China's Internal Campaign against a Muslim Minority* (Princeton University Press, 2020).

³ Общий обзор событий, описанных в этом списке, со ссылками на многочисленные журналистские источники, подтверждающие это резюме, см. в статье Даррена Байлера: Darren Byler *In the Camps* (op. cit.), и James Millward, *Eurasian Crossroads: A History of Xinjiang*, second edition (New York: Columbia University Press, 2021), chapter 8. Три научных исследования Адриана Зенца представляют собой фундаментальные данные и анализ, на которых основывается большая часть нашего понимания ситуации в Синьцзяне. Это "'Thoroughly Reforming them towards a Healthy Heart Attitude': China's Political Reeducation Campaign in Xinjiang," *Central Asian Survey* 38:1 (September 2018): 102-128; "Beyond the Camps: Beijing's Long-Term Scheme of Coercive Labor, Poverty Alleviation and Social Control in Xinjiang," *Journal of Political Risk* 7:12 (December 2019); и "Sterilizations, IUDs, and Mandatory Birth Control: The CCP's Campaign to Suppress Uyghur Birthrates in Xinjiang," *The Jamestown Foundation* (online), 21 July 2020, доступен по адресу https://www.researchgate.net/publication/343971074_Sterilizations_IUDs_and_Mandatory_Birth_Control_The_CCP's_Campaign_to_Suppress_Uyghur_Birthrates_in_Xinjiang

произвольного задержания, интернирования или тюремного заключения. Несмотря на заявления КНР о том, что программа интернирования была направлена на обучение бедных крестьян, не владеющих китайским языком, именно высокообразованные многоязычные ученые, писатели, художники и предприниматели - высокочлассные лидеры неханьского общества - были первыми задержанными или заключенными в тюрьму без каких-либо оснований.

- Физические и психологические пытки, изнасилования и сексуальное насилие в лагерях для интернированных, центрах содержания под стражей и тюрьмах.⁴
- Разлучение семей из-за массового интернирования и тюремного заключения и помещение уйгурских детей в детские дома и интернаты, где запрещен уйгурский язык.
- Физическое уничтожение культурного наследия, включая древние мечети, святыни, кладбища и кварталы. Это началось примерно в 2010 году с разрушения старого Кашгара, но значительно расширилось со сносом куполов и бульдозером на кладбищах с 2017 года.⁵
- Стирание уйгурской письменности и языка из общественных мест.
- Размещение кадров КПК в уйгурских домах на длительный срок, иногда в семьях, где муж задержан, таким образом, неродные мужчины-ханьцы оказываются наедине с уйгурскими женщинами и детьми.
- Государство поощряет браки между ханьцами и неханьцами, особенно между уйгурскими женщинами и ханьскими мужчинами. Новое постановление объявляет несогласие родителей с такими браками "экстремизмом"; учитывая, что система лагерей наказывает неханьцев за так называемый экстремизм, это представляет собой государственное принуждение неханьцев к браку с ханьцами.
- Усердное подавление рождаемости привело к резкому падению показателей рождаемости и естественного прироста населения в Синьцзяне за последние несколько лет. Уровень рождаемости в преимущественно неханьских районах Синьцзяна в период с 2018 по 2019 год снизился на 30-56%, в то время как в целом по КНР этот показатель снизился всего на 4,2%. Уровень рождаемости

⁴ Существует множество сообщений, основанных на рассказах из первых рук казахов и уйгуров, которые находились в лагерях и впоследствии смогли покинуть Китай. Большая часть этих свидетельств собрана в работе Matthew Hill, David Campanale and Joel Gunter, "‘Their goal is to destroy everyone’: Uighur camp detainees allege systematic rape," BBC News, 2 February 2021.

⁵ Natan Ruser, James Leibold, Kelsey Monro and Tilla Hoja, "Cultural erasure: Tracing the destruction of Uyghur and Islamic spaces in Xinjiang," Australian Strategic Policy Institute, 24 September 2020, доступен по адресу <https://www.aspi.org.au/report/cultural-erasure>

в густонаселенных уйгурских районах южного Синьцзяна упал на еще больший процент.⁶

- Предотвращение свободы передвижения и общения неханьских народов и экстерриториальное наблюдение и угрозы в отношении уйгуров и казахов в диаспоре, в том числе в США, Европейском союзе, Турции, Австралии и других странах.
- Принудительный перевод уйгуров из интернированных учреждений или мест проживания на заводы, иногда расположенные далеко от их домов. В Синьцзяне и других районах Китая уйгурские рабочие, переведенные на другие предприятия, часто содержатся под надзором военного типа и лишены возможности свободно передвигаться за пределами территории завода.⁷

География и история⁸

Синьцзян, официально Синьцзян-Уйгурский автономный район, более чем в два раза превышающий по площади Техас, расположен на крайнем северо-западе КНР. Синьцзян географически и этнографически является среднеазиатским, и сторонники, желающие подчеркнуть этот некитайский характер, используют другое историческое название - Восточный Туркестан. Северный Синьцзян - горный, а южный Синьцзян состоит в основном из пустыни с несколькими городами-оазисами. Хотя весь регион этнически разнообразен, южная часть региона более густо населена уйгурским народом, в то время как на севере проживает больше ханьцев, казахов и хуэй. Большая часть нефтехимической и минеральной добычи Синьцзяна происходит на севере, который более экономически развит, чем юг. Уйгурские районы лишены преимуществ рыночных сельскохозяйственных реформ, которые с 1980-х годов резко повысили уровень жизни в сельских районах восточного Китая.

⁶ О доказательствах преднамеренного государственного подавления рождаемости уйгуров - доказательствах, которые привели независимый неправительственный Уйгурский трибунал к выводу, что КНР совершает геноцид, см. Adrian Zenz, "Sterilizations, IUDs, and Mandatory Birth Control: The CCP's Campaign to Suppress Uyghur Birthrates in Xinjiang," *The Jamestown Foundation* (online), 21 July 2020, доступен по адресу

https://www.researchgate.net/publication/343971074_Sterilizations_IUDs_and_Mandatory_Birth_Control_The_CCP's_Campaign_to_Suppress_Uyghur_Birthrates_in_Xinjiang

⁷ Vicky Xiuzhong Xu, Danielle Cave, James Leibold, Kelsey Munro and Nathan Ruser, "Uyghurs for Sale: 'Re-education', forced labour and surveillance beyond Xinjiang," Australian Strategic Policy Institute, 1 March 2020, доступен по адресу <https://www.aspi.org.au/report/uyghurs-sale>

⁸ Общие сведения о географии и истории Синьцзяна см. в статье Millward, *Eurasian Crossroads*, second edition, процитировано выше.

Население Синьцзян-Уйгурского автономного района по состоянию на 2021 год составляет около 25 миллионов человек, из которых уйгуры и ханьцы составляют около 40%, казахи - 6-7%, хуэй - около 4%, а некоторые другие коренные этносы - меньшую часть, включая кыргызов, таджиков и монголов. Хотя многие из этих этнических групп исторически являются мусульманами, многие люди являются светскими или придерживаются других верований.

По мере расширения империи Цин в семнадцатом и восемнадцатом веках, она включила Синьцзян, Монголию, Тибет и Тайвань в состав Китая. Когда в 1911 году империя распалась и революционеры попытались создать Китайскую республику на руинах Цин, Тибет и Монголия также провозгласили независимость. Ситуация в Синьцзяне становилась все более хаотичной, но за три десятилетия среди различных независимых режимов военачальников и режимов, поддерживаемых Советским Союзом, которые боролись за контроль, три местных некитайских государства в Синьцзяне также провозгласили независимость от Китая.

В 1949 году, когда КПК установила контроль над Синьцзяном, она приняла капитуляцию коалиционного правительства, состоявшего из Гоминьдана (Националистической партии) и Восточно-Туркестанской республики (ВТР). ВТР сформировалась при советской поддержке для сопротивления навязыванию гоминьдановского правления в 1944 году и почти победила гоминьдан в военном отношении, но в последние месяцы Второй мировой войны Соединенные Штаты призвали гоминьдан, а Советский Союз - лидеров ВТР заключить перемирие. Гоминьдан и НТР впоследствии разделили административные портфели и провели выборы, чтобы обеспечить пропорциональное представительство неханьцев в правительстве Синьцзяна.

После оккупации Синьцзяна КПК заменила бывших лидеров НТР своими собственными чиновниками, подобранными из местных жителей. КПК поселила 80 000 демобилизованных гоминьдановцев в Синьцзяне, где они сформировали Синьцзянский производственно-строительный военный корпус, военизированную организацию, призванную увеличить демографическое присутствие ханьцев в Синьцзян-Уйгурском автономном районе путем открытия государственных ферм и строительства новых городов. Так начался колониальный проект поселенцев КНР в центрально-азиатском регионе, в результате которого процент ханьцев увеличился с 5 процентов в начале 1950-х годов до более чем 40 процентов сегодня. Синьцзянский производственно-

строительный военный корпус, который также известен как "Бинтуань", в настоящее время является высоко субсидируемым корпоративным конгломератом, глубоко вовлеченным в управление тюрьмами и лагерями Синьцзяна, доминирующим в производстве хлопка в регионе и тесно связанным с цепочками поставок сырья для солнечных батарей. Кроме того, "Бинтуань" управляет сетью глобальных филиалов, включая компании, поставляющие продукцию Nike, Calvin Klein и Patagonia.

Этническая политика КНР и недавний ханьско-супремацистский ассимиляционизм⁹

Как и Советский Союз после 1917 года, КНР с 1949 года была социалистическим государством, управлявшим бывшей империей. Для убежденного противника империализма это наследие имперского разнообразия представляло не только практическую, но и имиджевую проблему: как управлять империей, не выходя при этом колонизатором. Поэтому КНР реализовала модифицированную версию советской политики в отношении национальностей и официально признала в Китае пятьдесят шесть этнических групп: хань и пятьдесят пять групп, которые государство назвало "национальными меньшинствами" (shaoshu minzu). Благодаря этим мерам уйгуры, тибетцы, монголы и другие народы были в одночасье миноритизированы на своих родных землях. Выделение Тибетского автономного района, Синьцзян-Уйгурского автономного района и трех других автономных районов, каждый из которых номинально находится под управлением титульной этнической группы, наряду с множеством так называемых автономных префектур и уездов, является территориальным элементом первоначального подхода КНР к этнической принадлежности. Мы можем назвать это режимом разнообразия КНР.

Этот первоначальный режим разнообразия сделал этническую идентичность основным элементом государственного управления. Режим поддерживал язык, образование и культурное самовыражение каждой официально признанной группы; в теории, а иногда и на практике, он защищал неханьские группы от дискриминации и культурного стирания со стороны ханьского большинства и обеспечивал каждой группе представительство в авторитарном правительстве и партии. Несмотря на отличие от режимов разнообразия либеральных демократий, система разнообразия

⁹ FAY, Greg. The Bingtuan: China's Paramilitary Colonizing Force in East Turkestan. *Washington, DC: Uyghur Human Rights Project*, 2018, доступен по адресу <https://docs.uhrp.org/pdf/bingtuan.pdf>

КНР, будучи фактически реализованной, оказалась популярной среди неханьского населения. Она была заметно более плюралистичной и инклюзивной, чем, например, в Америке времен Джима Кроу. Культурная революция 1960-1970-х годов жестоко преследовала неханьцев, но неханьские группы в КНР вспоминают последующие 1980-е годы как золотой век политики многообразия КНР.

После распада Советского Союза в 1991 году некоторые ученые КНР и идеологи КПК начали беспокоиться о том, что советская политика в отношении национальностей сама способствовала распаду Советского Союза. Некоторые призывали к разработке этнической политики Китая второго поколения, которая способствовала бы "слиянию" и "объединению" различных групп, а не продолжала бы государственную и партийную поддержку пятидесяти пяти неханьских категорий и их номинально автономных территорий.¹⁰

Придя к власти в 2013 году, Си Цзиньпин приступил к радикальному пересмотру режима многообразия в КНР. Он вывел бюрократические структуры, занимающиеся вопросами этнической и религиозной принадлежности, из состава правительства и поставил их под прямой контроль КПК. В 2014 году он объявил, что проблемы в Синьцзяне потребуют внимания не только к "материальным" мерам (т.е. экономическому развитию), но и к "психологическим вопросам", тем самым предвещая использование в Синьцзяне тех методов принудительной индоктринации, которые ранее применялись КПК в отношении проституток, наркоманов и последователей Фалуныгун. Си также начал кампанию по "синизации" религии в Китае.

В тонком смещении акцентов от принципа, что Китай является многонациональным государством, состоящим из 56 различных групп, правительство Си Цзиньпина недавно продвигало концепцию унитарной, всеобъемлющей, однородной китайской идентичности под названием "Чжунхуа" в качестве идеологического центра, тесно связанного с его "Китайской мечтой". Одна из современных политических фраз призывает чиновников считать "формирование коллективного сознания чжунхуа" для всех народов Китая своей главной политической целью. Хотя в прошлом "чжунхуа" использовалось в политическом смысле, это слово состоит из двух китайских иероглифов, каждый из которых по отдельности означает "китайский", и теперь официально продвигаемые культурные характеристики

¹⁰ James Millward, "Qing and Twentieth-Century Chinese Diversity Regimes," In Andrew Phillips and Christian Reus-Smit, *Culture and Order in World Politics*, Cambridge: Cambridge University Press, 2019.

идентичности чжунхуа неотличимы от ханьских. Таким образом, нынешняя государственная пропаганда идентичности чжунхуа фактически является попыткой "сверху вниз" ханизировать, или синизировать, неханьские народы. И хотя метафора кузницы, возможно, напоминает устаревшее американское понятие "плавильный котел", она предполагает намерение КПК использовать промышленно мощные инструменты для сплавления этносов в идеализированную смесь чжунхуа.¹¹

Некоторые случаи использования концепции Чжунхуа даже напоминают расовые аргументы начала XX века, утверждавшие, что неханьские народы Цинской империи были исконно китайскими, независимо от того, знали они об этом или нет. В своей речи в сентябре 2020 года Си заявил, что "каждая этническая группа Синьцзяна - это член семьи, связанный кровными узами с чжунхуа". Подобная риторика сопровождается ложными заявлениями о том, что уйгурский язык является китайским, а не тюркским, и что уйгуры исторически происходят не от тюркских народов Центральной Азии, а от воображаемого древнего народа чжунхуа.

Почему это должно волновать правительства, корпорации или людей?

Моральное отвращение к политике Синьцзяна самоочевидно, и широкое народное осуждение не требует обоснования. Соответствует ли многогранное подавление неханьских народов в Синьцзяне юридическому определению геноцида согласно Конвенции ООН о геноциде или Римскому статуту Международного уголовного суда - вопрос в определенной степени семантический, учитывая сложность реального судебного преследования в любом из международных органов на фоне хора сговорчивых авторитарных государств, которые удалось собрать КНР. Однако "не совсем геноцид" вряд ли является глобальным вотумом доверия КПК. Доводы о том, что политика Синьцзяна является преступлением против человечности или культурным геноцидом, более просты.

Помимо морального императива, у правительств, бизнеса и людей есть и практические причины беспокоиться о том, что КНР делает с уйгурами и другими неханьскими народами Синьцзяна. КНР использует Синьцзян в качестве лаборатории

¹¹ James Millward, "Notes on Xi Jinping's speech to the 3rd Xinjiang Central Work Forum, 25–26 September 2020," опубликовано 27 September 2020, доступен по адресу <https://jimmillward.medium.com/notes-on-xi-jinpings-speech-to-the-3rd-xinjiang-central-work-forum-25-26-september-2020-768b43242b8f>

для отработки искусственного интеллекта и других технологий в целях социального контроля. КНР упаковывает эту технологию для экспорта в заинтересованные страны, но та же технология существует и в либеральных демократиях, хотя и более явно используется корпорациями, а не правительствами. В интересах каждого человека осознать, во что может превратиться государство наблюдения и в каких пагубных целях оно может быть использовано.

Злодеяния в Синьцзяне создают практические проблемы для американских и многонациональных корпораций. Передача труда уйгурских и других неханьских заключенных на фоне массовых задержаний и "антиэкстремистских" законов может считаться только принудительной. Создание этого послушного низкооплачиваемого этнического *андеркласса* занимает центральное место в экономической политике КНР в Синьцзяне и, более того, вовлекает девятнадцать провинций и городов восточного Китая, которые должны в качестве "партнеров" финансировать развитие Синьцзяна в рамках Программы помощи париям.¹² Таким образом, международный бизнес может быть связан со злодеяниями в Синьцзяне на многих этапах: ведя бизнес в Синьцзяне, имея дело с ХРСС или местным правительством Синьцзяна, сотрудничая с китайскими компаниями, работающими в Синьцзяне, или с администрацией Синьцзяна, имея дело с Пекином, Шанхаем, Шэньчжэнем или шестнадцатью другими городами и провинциями-побратимами, которые финансируют, строят и управляют аспектами синьцзянского режима карцерального и принудительного труда в рамках Программы помощи в паре. Такие связи в мутных цепочках поставок подвергают международные бренды, особенно те, кто поставляет хлопок и поликремний (используемый в солнечных технологиях), риску блокирования импорта, штрафов и репутационного ущерба.

Что могут сделать правительства, предприятия и люди?

Коллективно, в рамках международных коалиций, правительства могут ввести целевые санкции, чтобы причинить экономическую боль и пристыдить физических и юридических лиц, причастных к культурному геноциду в Синьцзяне. Правительства могут расширить свое расследование за пределы самого Синьцзяна и включить в него девятнадцать участников Программы помощи в создании пар. Кроме того,

¹² О программе помощи в подборе пар см. Yuhui Li, *China's Assistance Program in Xinjiang: A Sociological Analysis* (New York: Lexington Books), 2018.

правительства могут расследовать международные финансы Синьцзянского производственно-строительного военного корпуса и других организаций, осуществляющих синьцзянскую политику, привлекать внимание к синьцзянским злодеяниям в разговорах с собеседниками из КНР, предоставлять убежище и убежище уйгурам и другим жителям Синьцзяна, спасающимся от преследований КНР.

Корпорации должны требовать открытого доступа и неограниченного аудита своих цепочек поставок в Китае. Кроме того, корпорации должны дать понять китайским компаниям и чиновникам, что возможное соучастие в репрессиях в Синьцзяне делает их бизнес в Китае несостоятельным. Корпорации должны передать свою тревогу по каналам связи в партийно-правительственную систему Китая.

Политика в Синьцзяне не является поводом для китайско-американских разборок, а представляет собой гуманитарную катастрофу, напоминающую худшие колониальные расправы над коренными народами, а также этнические погромы, Холокост и южноафриканский апартеид. Люди должны выразить свою озабоченность ассимиляционизмом и превосходством ханьцев в КНР через социальные и другие СМИ и подчеркнуть параллели с движениями Black Lives Matter и за права коренных народов. Кроме того, люди должны требовать прозрачности от китайских и мировых брендов в отношении текстиля, электроники, солнечных батарей и других товаров, связанных с Синьцзяном. Люди должны проявить поддержку и солидарность, изучая уйгурскую и другие неханьские культуры, а также культуру Китая при КНР, и требовать от правительств и корпораций серьезного отношения к синьцзянскому кризису и его вызову человеческим ценностям.

Использованные источники

- BYLER, Darren. *In the Camps: China's High-tech Penal Colony*. Columbia Global Reports. New York: Columbia University Press, 2021.
- FAY, Greg. The Bingtuan: China's Paramilitary Colonizing Force in East Turkestan. *Washington, DC: Uyghur Human Rights Project*, 2018.
- HILL, Matthew; CAMPANALE, David; GUNTER, Joel. 'Their goal is to destroy everyone': Uighur camp detainees allege systematic rape. *BBC News*, 2021, 2.
- LI, Yuhui. *China's assistance program in Xinjiang: a sociological analysis*. New York: Lexington Books, 2018.
- MILLWARD, James. *Eurasian Crossroads: A History of Xinjiang*, second edition. New York: Columbia University Press, 2021.
- MILLWARD, James. Notes on Xi Jinping's speech to the 3rd Xinjiang Central Work Forum, 25–26 September 2020, published on Medium 27 September 2020.
- MILLWARD, James. Qing and Twentieth-Century Chinese Diversity Regimes. In PHILLIPS, Andrew; REUS-SMIT, Christian (ed.). *Culture and order in world politics*. Cambridge University Press, 2020. DOI: 10.1017/9781108754613.004
- ROBERTS, Sean R. *The War on the Uyghurs: China's Internal Campaign against a Muslim Minority*. Princeton: Princeton University Press, 2020. DOI: 10.1515/9780691202211
- RUSER, Nathan; LEIBOLD, James; MUNRO, Kelsey; HOJA, Tilla. Cultural erasure: Tracing the destruction of Uyghur and Islamic spaces in Xinjiang. *Australian Strategic Policy Institute*, 24 September 2020.
- XU, Vicky Xiuzhong; CAVE, Danielle; LEIBOLD, James; MUNRO, Kelsey; RUSER, Nathan. Uyghurs for Sale: 'Re-education', forced labour and surveillance beyond Xinjiang. *Australian Strategic Policy Institute*, 1 March 2020
- ZENZ, Adrian. 'Thoroughly reforming them towards a healthy heart attitude': China's political re-education campaign in Xinjiang. *Central Asian Survey*, 2019, 38.1: 102-128. DOI: 10.1080/02634937.2018.1507997
- ZENZ, Adrian. Beyond the Camps: Beijing's Long-Term Scheme of Coercive Labor, Poverty Alleviation and Social Control in Xinjiang. *Journal of Political Risk*, 2019, 7.12. DOI: 10.31235/osf.io/8tsk2
- ZENZ, Adrian. *Sterilizations, IUDs, and Mandatory Birth Control: The CCP's Campaign to Suppress Uyghur Birthrates in Xinjiang*. Washington: Jamestown Foundation, 2020.